

Глава 2: Потерять всё, чтобы обрести.

Семь лет спустя. Уединенная вилла семьи Янь.

Поразительно красивый юноша был по плечи погружен в огромный чан. Сосуд до краев заполняла пурпурная лекарственная жидкость, которая, будучи доведенной до кипения, источала густой травяной аромат.

Этим юношей был не кто иной, как двенадцатилетний Янь Юнь.

Он поразительно походил на Су Муюй: алые губы, жемчужно-белые зубы и тонкие черты лица делали его почти женственным. Но сегодня был глубоко значимый день для него.

Разве не он в нежном пятилетнем возрасте обнаружил таинственный буклет в семейном Павильоне Библиотеки? Само то, что эта книжица была столь надежно спрятана, говорило о её незаурядности. В ней детально описывалась техника культивации ядов — редкое искусство, которое позволяло практиковать, не нуждаясь в Духовном Корне. Однако такая культивация несла в себе колоссальные риски и непредвиденную цену.

Следуя требованиям ядовитой техники, он провел последние годы, тайно собирая необходимые материалы. Три дня назад все приготовления были завершены. Пользуясь отсутствием Су Муюй, он раздобыл огромный чан, вскипятил лекарственный состав и приготовился начать свои тренировки.

Ощущения были далеки от приятных. По мере того как температура жидкости неуклонно росла, Янь Юнь чувствовал себя так, словно его кожу пронзали бесчисленные иглы; обжигающая боль охватила всё тело. Это была реакция организма на поглощение эссенции.

Один лишь цвет настоя выдавал его истинную природу: это был не мягкий травяной отвар, а мощнейший яд. Суть данной техники заключалась в слиянии токсинов с физической плотью — процессе, сопряженном с мучительной агонией.

Янь Юнь приготовился к худшему, зная, что обязан выстоять. Даже если наступит смерть, он не должен покидать чан. Переродится ли он заново — всё зависело от этого дня.

Температура продолжала расти, кожа юноши стала пунцовой. Когда токсины через поры начали проникать в меридианы, поверхностные каналы на его теле вспыхнули ярко-пурпурным свечением. Это был явный знак того, что яд распространяется по всему его существу.

Выражение лица Янь Юня становилось всё более мучительным, он не мог сдержать стонов, но упрямо продолжал сидеть. Лишь когда яд достиг лица, его выдержка пошатнулась, и он издал низкий, гортанный рык.

«Проклятье, почему это так невыносимо больно? Тот, кто изобрел эту ядовитую технику, должно быть, был извращенным безумцем!» — яростно ругался Янь Юнь в своих мыслях.

Поглощение яда было лишь первым шагом; истинное испытание должно было начаться, когда токсины разойдутся по меридианам в каждый уголок его тела. Пурпурная лекарственная жидкость в чане начала светлеть, а светлая кожа Янь Юня стала разъедаться фиолетовым ядом.

К этому моменту Янь Юнь больше не ощущал боли; всё его тело онемело, казалось, оно больше ему не принадлежало. Он чувствовал, что его сознание вот-вот угаснет, но ему категорически нельзя было терять самообладание, ибо обморок означал верную смерть.

«Нет, Янь Юнь, ты должен держаться! Ты готовился почти семь лет; ты не можешь сдать сейчас», — кричал Янь Юнь внутри собственного разума.

Это была битва между силой воли и агонией.

Спустя еще мгновение фиолетовые токсины, наконец, окутали лицо Янь Юня, полностью поглотив его, и в этот миг его иссиня-черные волосы превратились в мерцающее серебристо-белое серебро. Его тело, истерзанное токсинами, пульсировало жутким фиолетовым свечением. Пурпурная лекарственная жидкость в чане теперь полностью превратилась в чистую воду.

Янь Юнь с трудом открыл глаза, явив миру зрачки, подобные паре аметистовых драгоценных камней. Взглянув на жидкость, ставшую прозрачной водой, он, наконец, облегченно выдохнул, полностью расслабляясь.

— Наконец-то всё закончилось.

С этими словами Янь Юнь мгновенно потерял сознание.

...

Тем временем мать Янь Юня, Су Муюй, беседовала с Третьей госпожой Ся Юй из семьи Цзян в их внутреннем дворе.

Су Муюй сегодня пришла не просто с дружеским визитом; у семьи Цзян было дело, требующее содействия семьи Янь, и они специально пригласили Янь Луна и Су Муюй в качестве гостей.

— Сестра Муюй, ты уже приняла решение? В конце концов, твой сын — обычный человек, неспособный к культивации; он не получит особого расположения, оставаясь в семье Янь. Однако переход в мою семью Цзян был бы совсем другим делом, — сказала Ся Юй с едва уловимой улыбкой.

Су Муюй в этом году исполнилось уже двадцать восемь, но она всё еще выглядела так, будто ей едва за двадцать; не было бы преувеличением сказать, что она походила на старшую сестру Янь Юня.

— Сестра Ся Юй, прости за прямоту, но твоя семья Цзян намерена использовать моего сына в качестве щита для твоей дочери, не так ли? — спросила Су Муюй, нахмутив брови.

Эти слова заставили выражение лица Ся Юй стать слегка неловким.

— Это? Хотя это может показаться немного несправедливым по отношению к твоему достопочтенному сыну, уверяю тебя, если ты согласишься, моя семья Цзян в будущем обязательно подберет для него еще несколько наложниц.

Услышав это, Су Муюй на мгновение погрузилась в раздумья.

Что же на самом деле стояло за всем этим? В сущности, всему виной была гордая дочь небес семьи Цзян — Цзян Яо.

Цзян Яо, рожденная с чистым Ледяным Духовным Корнем, в возрасте пяти лет была принята в личные ученицы главой секты Юньхуа, величайшей секты в царстве Цзян. Такой врожденный талант и статус, естественно, сделали её желанной добычей для различных крупных сил царства.

На протяжении многих лет многочисленные влиятельные фракции тайно обращались к семье Цзян в поисках брачного союза. Поначалу семья Цзян вежливо отказывалась, ссылаясь на юный возраст Цзян Яо. Однако по мере того как Цзян Яо выросла, эта отговорка становилась всё менее убедительной.

Более того, наконец-то породив такого гения, семья Цзян не желала выдавать её замуж в чужую семью. Вследствие этого семья Цзян разработала план: вместо того чтобы выдавать Цзян Яо замуж, они найдут жениха, который войдет в их семью на правах зятя.

Как только эта новость распространилась, влиятельные фракции, естественно, прекратили свои настойчивые ухаживания. В этом мире вхождение в чужую семью считалось крайне унижительным делом, и было крайне маловероятно, что они позволят своему выдающемуся отпрыску стать чужим сыном.

Рассуждения семьи Цзян были здравыми, так как у них было мало потомков мужского пола: у главы семьи Цзян была одна жена и три наложницы, итого один сын и пять дочерей. Хотя их единственный сын обладал способностями к культивации, его талант был посредственным, что мешало ему достичь величия; таким образом, все их надежды возлагались на Цзян Яо.

Тем не менее, они не могли позволить другим силам заподозрить семью Цзян в небрежности или пренебрежении обычаями. Даже королевская семья царства Цзян прислала своих посланников. Не имея возможности и дальше затягивать это дело, семья Цзян была вынуждена действовать стремительно.

Вскоре они публично объявили: как только Цзян Яо исполнится шестнадцать лет, они подыщут ей зятя, который войдет в их дом. Этот муж должен был быть послушным и полностью подконтрольным семье Цзян; по сути, им требовалась лишь послушная фигура, формальность.

После долгих раздумий их выбор пал на третьего сына их давних союзников, семьи Янь — на Янь Юня. Как только решение было принято, Янь Луна и Су Муюй пригласили для обсуждения условий.

Обе семьи связывали узы союзничества на протяжении многих поколений, к тому же семья Цзян предложила щедрые дары и обещания, не оставив Янь Луну ни единой причины для отказа.

— О, дайте мне еще немного времени. Разве в запасе нет еще нескольких лет? Сначала мне нужно вернуться и спросить мнение Юнь-эра, — произнесла Су Муюй, не спеша давая немедленное согласие.

Ся Юй лишь тонко улыбнулась, не выказывая спешки:

— Что ж, в таком случае я буду ждать от тебя добрых вестей, сестра.

Су Муюй кивнула, развернулась и покинула покои.

На обратном пути в поместье семьи Янь, Су Муюй и Янь Лун сидели в экипаже вдвоем; между ними повисло тягостное, неловкое молчание. Су Муюй хранила тишину, а Янь Лун, который за

эти годы почти не общался с ней, держался весьма отстраненно.

— Сяо Ци, хотя этот брачный союз может показаться несколько несправедливым по отношению к Юнь-эру, ты должна ясно понимать: это лучший из возможных вариантов, — бесстрастно заявил Янь Лун, взглянув на Су Муюй.

Услышав это, Су Муюй издала горький, самоироничный смешок.

— Хе-хе... Мы с сыном и впрямь несчастные люди, рожденные лишь для того, чтобы приносить всё в жертву интересам семьи. Раз Глава Семьи уже принял решение, этой наложнице больше нечего сказать. Однако я надеюсь, что Глава Семьи дарует мне немного времени, чтобы я могла, как следует поговорить с Юнь-эром. По крайней мере, тогда он не будет слишком противиться.

Янь Лун не рассердился на холодность Су Муюй; напротив, он одобрительно кивнул ей.

— Благодарю за то, что ставишь благо семьи превыше всего. Будь уверена, твой муж ни в коем случае не обделит тебя и твоего сына.

Тем временем вернемся к Янь Юню.

...

Тот, кто пребывал в беспамятстве, медленно открыл глаза; вода в чане к этому времени уже остыла. Первым делом, придя в себя, он принялся осматривать свое тело. Когда он обнаружил, что кожа вернула свой нормальный цвет, из его груди вырвался восторженный возглас.

— Это чудесно! У меня получилось!

Однако голос Янь Юня прозвучал на удивление чисто и нежно, точь-в-точь как у юной девушки. Он быстро осознал, что что-то не так.

— Что происходит? Кхе-кхе! Почему мой голос звучит так странно? — Янь Юнь принялся усиленно откашливаться.

Он мог с уверенностью подтвердить: его голос стал разительно отличаться от прежнего. Но не только это — он немедленно заметил еще одну странную особенность своего тела.

— Э?.. — Янь Юнь опустил голову, вглядываясь сквозь прозрачную воду в нижнюю часть своего тела, и, наконец, опустил руку в воду, чтобы всё прощупать.

— А-а!

Янь Юнь тут же отдернул руку, словно коснулся чего-то совершенно невообразимого.

«Быть не может...»

Выражение его лица становилось всё более испуганным. Он поспешно выкарабкался из чана с водой и, снова посмотрев вниз, замер в полном оцепенении. Там, между ног, где полагалось быть мужской анатомии, зияла пустота.

Его взгляд остекленел; казалось, он воочию видел, как «птичка», некогда сидевшая в чане, теперь улетает в далекое небо. После мгновения оглушительной тишины из его уст вырвался полный недоверия вопрос:

— Какого черта... где мое мужское достоинство?

Похоже, побочные эффекты культивации этой ядовитой техники всё-таки проявились. Ранее упоминалось, что данное искусство может вызвать физические аномалии. Он просто не ожидал, что конкретным побочным эффектом для Янь Юня станет ситуация, когда «куры разлетелись, а яйца разбились».

...

Комментарий переводчика:

В тексте используется каламбур на основе китайской идиомы Цзи фэй дань да (雞飛蛋打) — «куры улетели, яйца разбились». В обычном смысле она означает «остаться ни с чем» или «потерпеть полный крах», но здесь автор использует её как жестокий эвфемизм для потери мужских гениталий. Это радикальная «непредвиденная цена» за возможность культивировать без Духовного Корня, превращающая героя в евнуха или даже полностью меняющая его пол, что иногда встречается в «темных» техниках (вспомним классический пример «Подсолнечного руководства» из китайской литературы).

<http://bllate.org/book/17047/1585514>